

Научная статья
УДК 94(47) «1917/1920»
doi: 10.17223/15617793/479/16

Государственное регулирование торговли и снабжения на восточных территориях «белой» России в годы Гражданской войны

Валентин Григорьевич Медведев¹

¹ Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, medved.valentin@rambler.ru

Аннотация. На основе архивных материалов, нормативных актов и научных публикаций рассматриваются проблемы законодательной и административной деятельности белых правительств по обеспечению армии и населения необходимыми продуктами и товарами. Исследуются вопросы состояния рынка и меры, принимавшиеся различными государственными органами по налаживанию торгово-распределительной сферы с привлечением кооперации, военно-промышленных комитетов и представительных организаций буржуазии.

Ключевые слова: рынок, инфляция, правительство, кооперация, военно-промышленные комитеты, государственные заказы, законодательство, администрирование

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00347.

Для цитирования: Медведев В.Г. Государственное регулирование торговли и снабжения на восточных территориях «белой» России в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 145–157. doi: 10.17223/15617793/479/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/16

State regulation of trade and supply in the eastern territories of the “White” Russia during the Civil War

Valentin G. Medvedev¹

¹ Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation, medved.valentin@rambler.ru

Abstract. Many works have been written about the White Movement, but the problems of the state regulation of trade and supply remain poorly understood to date. The author aims to investigate the legislative and administrative activities of the anti-Soviet governments of the eastern regions of the former Russian Empire in the trade and distribution sphere and to determine its impact on the viability of the “White” Siberia as a state entity. In the course of the study, regulatory and legal sources, archival documents, newspaper publications, scientific articles and works of participants of the civil war were used. The research methods were: dialectical, historical, structural-functional, and other general scientific research methods. In addition, when considering legislative acts, special legal methods – formal legal and comparative legal – were used. The state of the market in the conditions of a liberal government course and the state’s non-interference in the sphere of trade and supply at the beginning of the Civil War were analyzed. The issues related to the further change in the legal policy of the authorities, who, in the conditions of inflation and shortage of food and industrial goods, had to distance themselves from the principle of “market freedom” and proceed to state regulation of the trade and distribution sphere, were investigated. Legislative regulations and administrative practices of anti-Soviet governments, as well as public administration issues related to the regulation of the activities of cooperatives, their associations, military-industrial committees and private entrepreneurs, were studied and analyzed. The initial attempt to conduct a policy in the field of trade and supply within the framework of “market freedom” did not justify itself, and the anti-Soviet governments were forced to begin state regulation of this sphere of the economy. Legislative and administrative activities in the “White” Siberia were based on the normative documents of the tsarist and provisional governments, in which minor changes were made related to the then current market conditions, but in the conditions of the crisis state of economic life, they could not be fully implemented. State regulation of the cooperative movement turned out to be ineffective. Financing of cooperative activities left much to be desired, the working capital of grassroots cooperatives did not provide the possibility of normal purchase of consumer goods. Private entrepreneurs, receiving government orders and loans from the government, used them to satisfy their speculative interests. The contribution of the military-industrial committees to the establishment of trade and supply did not meet the expectations of the government, because, despite the non-commercial nature of their activities established by law, they mainly pursued their own selfish goals. In general, state regulation of trade and supply did not meet the crisis conditions and could not ensure the viability of the “White” Siberia.

Keywords: market, inflation, government, cooperation, military-industrial committees, government orders, legislation, administration

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00347.

For citation: Medvedev, V.G. (2022) State regulation of trade and supply in the eastern territories of the “White” Russia during the Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 145–157. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/16

На востоке страны приход к власти антисоветских правительств населением Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока был воспринят как возвращение к отмененной большевиками свободной торговли. По свидетельству некоторых участников событий тех далеких лет, а также материалов местных газет, это сразу привело к наполнению рынка продуктами и товарами народного потребления и снижению цен, которое колебалось от 20 до 30%. В связи с этим приехавшему летом 1918 г. в Самару из голодного центра страны члену Комуча И.М. Майскому показалось, что он очутился в сказке тысячи и одной ночи [1. С. 51]. В сибирских газетах отмечалось, что на городские базары из деревень начала активно поступать сельскохозяйственная продукция в давно забытых объемах [2–4].

Однако современные исследования говорят о том, что так продолжалось недолго, и с осени 1918 г. начался стремительный рост цен, который постоянно увеличивался вплоть до краха сибирского государственного образования. По данным В.Г. Кокоулина, составленным на основе анализа публикаций газет, в сибирских городах к весне 1919 г. спички, табак, свечи подорожали в 1,5–2 раза, мясо – в 40–60, а к лету в 80 раз, цена на хлеб поднялась на 15–20%, на топленое масло в 2 раза [5. С. 95].

Аналогичная картина наблюдалась в Поволжье, на Урале и Дальнем востоке. Так, например, в Симбирске и других средневожских городах к осени 1918 г. образовался дефицит продуктов из-за нежелания крестьян поставлять их на рынок в условиях финансового кризиса и стремительно развивавшейся инфляции. Дефицит обусловил бешеный скачок цен. По поводу этого симбирская газета «Возрождение» писала, что утром, например, десяток огурцов на рынке стоил 50 коп., а к обеду их цена поднималась до 2 руб. [6].

На Урале в наибольшей степени ощущался недостаток товаров массового потребления, объемы производства которых к лету 1919 г. снизились в 2–4 раза по сравнению с довоенным уровнем. Вместе с тем следствием перехода к свободной торговле стало стремительное насыщение рынка продуктами питания, о чем постоянно сообщалось в местных газетах. Цены на продовольственные товары постоянно снижались, например, в среднем на ржаную муку и крупчатку – в два раза (до 40 и 100 руб. за пуд соответственно), на сливочное масло – в три раза (до 12 руб. за фунт) и т.д. [7, 8].

Однако такое лихорадочное продовольственное оживление и изобилие было весьма сомнительным. Очень скоро поступление продовольствия на рынки городов стало сдерживаться инфляционными процессами и городское население начало страдать от постоянного роста дороговизны. В Челябинске, например, фунт мяса в январе 1919 г. подорожал в два раза – до

трех рублей, а в Уфе в преддверии Пасхи такие продукты, как белая мука, мед, масло, свинина, необходимые для празднования, стали недоступны для среднего обывателя [9, 10].

На Дальнем Востоке, слабо развитом в промышленном отношении, но обладавшим богатым продовольственным рынком, торговля – легальная и контрабандная – представляла собой наиболее динамично развивавшийся сектор экономики и, несмотря на многочисленные перевороты, при любой власти демонстрировала рост товарооборота и количества торговых заведений, которые на 90% были заняты в розничной торговле [11. С. 49]. Свыше 50% торговых лавок принадлежало китайцам, как и половина сектора оптово-розничной и розничной, а также базарной и разносной торговли.

Несмотря на то что дальневосточная торговля с дореволюционного периода сохранила тенденцию непрерывного развития, как и в «белой» Сибири, она не могла в полной мере удовлетворить покупательный спрос населения, поскольку в основном была сосредоточена в южных регионах и в имевшихся 55 городах, а на 3,5 тыс. сельских поселений приходилось в среднем всего по 0,8 торговых точек, да и то не на каждое село ввиду их разброса на огромной территории [11. С. 50].

Как и на «белом» Юге, в продаже, в силу слабого развития промышленного производства, недоставало предметов повседневного спроса: чая, сахара, соли, смолы, дегтя, конских подков, ваты, одежды (особенно зимней), белья и кожаной обуви, мыла, кровельного железа, керосина, кожи, лопат, эмалированной посуды, курительного табака, папирос и т.д. Цены на них намного превосходили цены на сельхозпродукты, вследствие чего в торговле наметился значительный дисбаланс. Это открывало двери нелегальной контрабандной торговле, в основном из китайской Маньчжурии. Кроме того, через дальневосточные порты японцы, американцы, китайцы и корейцы в рамках легальной торговли ввозили сельхозмашины, муку, рис, чай, сахар, мануфактурные, и бакалейные товары, но это не могло полностью удовлетворить потребительский спрос в основном зажиточного дальневосточного крестьянства и казачества. К тому же в условиях катастрофического обесценивания денег сельхозпроизводители предпочитали не продавать, а обменивать свою продукцию на необходимые им промышленные товары, на что не соглашались их поставщики, в результате чего в данном регионе, как на остальных территориях «белой» Сибири, стала наблюдаться нехватка продуктов питания.

Все вышеизложенное достаточно хорошо раскрыто в работах современных авторов. Однако в них отсутствует всесторонняя оценка экономической поли-

тики белых правительств в сфере торговли и снабжения. Анализ состояния «свободного рынка» с наглядностью показывает, что невмешательство государства в рыночные отношения не могло способствовать оживлению экономики антисоветских государственных образований. В связи с этим напрашивается вывод о том, что белые правительства не могли дистанцироваться от государственного регулирования торговли и снабжения.

Исследователи второй половины 1990–2000-х гг. рассматривают политику антисоветских властей в данной сфере как нечто своеобразное и особенное, некоторые элементы которой могли бы даже представлять определенную ценность для хозяйственной деятельности компетентных государственных органов современной России. Однако, как представляется, это не совсем так. Для подобных выводов необходимо определить, отличалась ли законодательная и административная деятельность в государственных образованиях «белой» России от аналогичной практики царского и в последующем Временного правительств, и если отличалась, то в чем?

Нормативно-правовые акты и их интерпретация в сибирских газетах говорят о том, что Временное Сибирское правительство (ВСП), как и другие правительства восточных регионов страны, в условиях галопировавшей инфляции и недостатка продовольственных и промышленных товаров не могли оставаться безучастными наблюдателями растущих проблем, связанных с провозглашением «свободы рынка». В связи с этим ВСП, как наиболее авторитетное и задававшее тон в деятельности остальных правительств, с первых же шагов своей деятельности вынуждено было приступить к законодательному регулированию торгово-распределительной сферы в целях недопущения роста социальной напряженности в обществе. В местных газетах сообщалось о «срединном курсе», предложенном министром продовольствия, в котором говорилось о необходимости, с одной стороны, соблюдать принципы рыночных отношений, с другой – ограничить свободу торговли путем государственного распределения дефицитных товаров [12]. В Министерстве продовольствия не без основания считали, что нерегулируемая торговля в духе либерализации хозяйственной жизни в условиях военного времени представляет собой «рискованную крайность», которая может привести к продовольственному кризису. В соответствии с этим законодательная деятельность правительства приобрела двойственный характер, который сохранился и в период правления адмирала Колчака, поскольку экономическая конъюнктура не изменилась, а юридическая сила законов ВСП распространялась на всю территорию Сибири и Дальнего Востока.

В русле политики «срединного курса» летом 1918 г. ВСП был принят целый ряд нормативно-правовых актов. С одной стороны, в Постановлении № 98 от 4 июля 1918 г. говорилось об отмене всех декретов советского правительства в сфере торговли, что полностью соответствовало лозунгу о восстановлении «свободного рынка» [13]. Кроме того, 6 июля 1918 г.

ВСП приняло постановление «О регулировании хлебной торговли», отменявшее закон Временного правительства от 25.03.1917 г. о хлебной монополии, который предполагал централизацию и жесткое государственное регулирование в продовольственной сфере [14, 15]. По этому закону поставка хлеба государству, а также последующее его распределение среди потребителей должно было осуществляться по установленным министерствами торговли и снабжения твердым нормам и ценам, что в условиях инфляции в целом способствовало стабилизации рынка, но никак не устраивало крестьян. Повсеместно в деревне наблюдалось сокрытие хлебных запасов, несмотря на то что в случае их обнаружения зерно подлежало отчуждению за половину установленной цены.

С другой стороны, данное постановление в значительной степени носило формальный и даже в некотором смысле пропагандистский характер, направленный на успокоение крестьянства. Это доказывает тот факт, что наряду с провозглашением отмены хлебной монополии законодатель одновременно устанавливал жесткое регулирование торговли хлебопродуктами путем ввода предельных цен на зерно и хлеб [16]. Таким образом, этот нормативно-правовой акт мало чем отличался от аналогичного закона Временного правительства, ограничивавшего торговлю хлебом. Помимо регулирования зерновой торговли ВСП предпринимало законодательные меры и в сфере государственного контроля над мясной и масляной торговлей, о чем говорят соответствующие июльские 1918 г. постановления правительства [17, 18].

Значительное внимание ВСП уделяло заготовительной сфере деятельности, от чего напрямую зависело обеспечение армии и городов необходимыми продуктами. В соответствии с правительственным постановлением о госзакупках и заготовках от 26 августа 1918 г. уполномоченные министерства продовольствия получали право во взаимодействии с местными органами власти отчуждать хлебные, мясные и молочные продукты в фонд государства. Компенсация их производителей должна была осуществляться в соответствии с установленными для каждого региона предельными рыночными ценами, которые устанавливались специально образованным для этого ценовым бюро из представителей министерств снабжения и продовольствия, финансов [19].

Таким образом, в целом законодательные установления ВСП по существу копировали законы царского и Временного правительств, отличаясь от них лишь в некоторых частностях. Так, например, в постановлении ВСП от 26 июля 1918 г. «Об уполномоченных министерства продовольствия Временного Сибирского правительства» говорилось о широких полномочиях и компетенции этих государственных чиновников. Они получали право ставить на учет любые продовольственные и промышленные товары, которые могли использоваться для снабжения армии и городского населения. Под их полный контроль ставилась деятельность заготовительных организаций, вплоть до определения районов их деятельности в губерниях и уездах и предоставления отчетности о налившем у них производстве [20].

К заготовителям законодатель, как правило, относил юридических лиц – кооперативы и их союзы, биржи, а также органы самоуправления, занятые в «организованной торговле», т.е. прошедшие государственную регистрацию в Министерстве юстиции, что также практиковалось и ранее. Частные лица, обладавшие большими финансовыми возможностями, чем кооперативы, также могли быть допущены к оптовой закупке продовольственных и непродовольственных товаров, но при условии наличия письменного поручительства биржевых комитетов. Однако, очевидно, в силу взяток, которые предоставлялись предпринимателями коррумпированным чиновникам, законодатель не включил в постановление пункт об ответственности поручителей за неправомерные действия таких лиц [20].

Таким образом, в «белой» Сибири, как и в дореволюционной России, практически вводилось государственное регулирование торговли и снабжения, и деятельность всех субъектов торгово-распределительных отношений ставилась под контроль компетентных государственных органов. Правила такой деятельности предусматривали привлечение нарушителей к юридической ответственности в соответствии с оставленным в силе «Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» от 17 марта 1917 г. [21].

Наиболее действенным элементом механизма государственного регулирования рынка законодатель считал установление твердых цен на сельскохозяйственную продукцию, что, как считалось, должно было предотвратить возникновение продовольственного кризиса. Предельные рыночные цены устанавливались на хлебные, мясные и молочные продукты. К таким продуктам законодатель относил рожь, пшеницу, овёс, ячмень, просо, гречиху, горох и муку, мясо, колбасные изделия, животные жиры, сало, мясные консервы, молоко и масло [16–18]. Следует отметить, что в зависимости от состояния рынка цены на те или иные продукты менялись, о чем, например, говорит Постановление Административного совета ВСП от 30 октября 1918 г. [22].

Предельные цены устанавливались не только на сельхозпродукцию, но и на непродовольственные товары, например, на жидкое минеральное топливо [23]. На продажу некоторых дефицитных непродовольственных товаров, например, таких как кожи, распоряжением управляющего Министерства торговли и промышленности ВСП было распространено действие введенного еще 21 апреля 1917 г. Временным правительством «Положения о передаче кож в распоряжение государства» [24]. Однако уже в конце сентября Постановлением Административного совета ВСП монополия на кожу была отменена, но вводилось государственное регулирование, предполагавшее строгий учет сырья и кожевенных изделий, контроль над деятельностью предпринимателей со стороны правительственных агентов, регистрацию скупщиков сырья и готовых изделий. Устанавливалось преимущественное право государства на приобретение кожевенного сырья и изделий по ценам, согласованным с Министерством торговли и промышленности ВСП [25].

Таким образом, новое узаконение в основных своих положениях во многом копировало постановление Временного правительства.

Новым явилось лишь то, что в результате прекращения железнодорожных сообщений с центральными регионами страны Министерство продовольствия ВСП получило право реквизировать скопившиеся на станциях продовольственные грузы, в которых ощущался недостаток. Реквизиции должны были проводиться реквизиционными комиссиями, создаваемыми данным министерством [26]. В интересах государственных нужд право проведения реквизиций продававшегося на рынках хлеба предоставлялось и «особоуполномоченному» Министерству продовольствия на Дальнем Востоке [27]. Эта практика была продолжена и российским правительством.

Однако законодательство ВСП и его преемника – колчаковского правительства в сфере торговли и снабжения оказалось неэффективным, его применение компетентными органами власти и управления оставляло желать лучшего, правительственные постановления в полном объеме не исполнялись непосредственными участниками торгово-распределительных отношений, в силу чего государственная власть не могла справиться с захлестнувшей «белую» Сибирь спекуляцией. Это не давало возможности в необходимой степени обеспечить армию и население продуктами и товарами. Установление низких закупочных цен на сельхозпродукцию и бюрократическая волокита центральных и местных чиновников, а зачастую и банальная нехватка денег в казне, приводившие к долговременной неоплате произведенных поставок, способствовали массовым правонарушениям. Крестьяне не спешили вступать в договорные отношения с кооперативными организациями, сдававшими полученную продукцию в казну, предпочитая нелегально продавать ее спекулянтам по более высоким ценам.

Регулирование торговли и снабжения, как и в дореволюционный период, российское правительство пыталось осуществлять через кооперативные объединения, военно-промышленные комитеты (ВПК) и частных предпринимателей. Основная ставка делалась на кооперацию, которая в Сибири и на Дальнем Востоке переживала период невиданного подъема. Совет министров адмирала Колчака рассчитывал с помощью кооперации не только обеспечить воюющие армии продовольствием и снаряжением, но и организовать хозяйственное взаимодействие между городом и деревней путем налаживания кооперативных закупок и сбыта промышленных товаров и сельхозпродукции, таким образом сдерживая ценовую экспансию частных торговцев.

Нормативную базу кооперативного движения в Сибири на Дальнем Востоке, как и в других государственных образованиях «белой» России, составляло законодательство Временного правительства, включавшее в себя четыре документа: «Постановление Временного Правительства о кооперативных товариществах и их союзах» от 20 марта 1917 г., «Положение о кооперативных товариществах и их союзах» от 20 марта 1917 г., «Положение о регистрации товари-

ществ, обществ и союзов» от 21 июня 1917 г. и «Положение о съездах представителей кооперативных учреждений» от 1 августа 1917 г. [28]. Этими актами устанавливалась явочная система образования и регистрации кооперативных объединений, упорядочивалась их организационная структура и предоставлялись широкие возможности в осуществлении хозяйственной и нехозяйственной деятельности с правом проведения различных исследований, создания образовательных учреждений и печатных издательств.

В ходе мировой войны в «белой» Сибири происходил процесс этатизации и объединения низовых потребительских обществ в кооперативные союзы, а последних – в суперсоюзы. Последние были представлены Закупсбытом (Союз сибирских кооперативных союзов), Сибкредсоюзом (Союз сибирских кредитных союзов) и Союзом сибирских маслодельных артелей, которые по договоренности с большевистским правительством не подверглись национализации и продолжили свою деятельность при советской власти, полностью сохранив свою структуру и финансовые активы.

Эти объединения получали от государственных органов «белой» Сибири львиную долю госзаказов, кредитов, ссуд на заготовку промышленных и продовольственных товаров для снабжения ими армии и населения. Такая административная практика на первых порах вполне себя оправдывала, и в начале 1919 г. аршин ситца в кооперативных лавках стоил около 3 руб., а в частных – 11 руб., пальто у кооператоров можно было купить за 300 руб., а у частных за 900, фунт соли за 2 и 15 руб. соответственно [29. Р. 437; 30. С. 143]. Вместе с тем ассортимент продаваемых товаров нельзя было назвать богатым, в него входили предметы самой распространенной промышленной и продовольственной продукции.

Наиболее крупными кооперативными объединениями был Закупсбыт, который в 1919 г. объединял 36 кооперативных союзов и поставлял товары и продукты еще 15 союзам [31. С. 43]. В основном он занимался торговой деятельностью, которую дополняла деятельность производственная, связанная с распоряжением различными по формам и объему производства промышленными предприятиями – от крупных заводов и фабрик до ремесленных мастерских. На них изготавливались пользовавшиеся спросом недорогие потребительские товары и производилась переработка растительного и животного сырья.

В свое время советское правительство, возлагая на кооперацию большие надежды в деле борьбы с товарным и продовольственным голодом, своим декретом «О потребительских кооперативных организациях» предоставило им свободу хозяйственной деятельности при условии обеспечения населения всем необходимым. Декрет предписывал губернским советам прекратить роспуск и национализацию кооперативов и провести реституцию прежних прав уже распушенных организаций [32]. После ликвидации советской власти в Сибири российское правительство предоставило Закупсбыту право распределения оставшегося на омских, новониколаевских и иркутских складах оставшегося там имущества.

Союзы-пайщики, входившие в состав Закупсбыта, в соответствии с локальными актами этого объединения, обладали значительной свободой в проведении своих производственно-торговых операций, однако правление этого союза контролировало весь процесс производства, торговли и распределения сельскохозяйственной и промышленной продукции массового потребления. В целом низовыми организациями этого суперсоюза на востоке страны была охвачена половина населения и почти две трети крестьянских хозяйств, поскольку он обеспечивал крестьянство промышленными товарами и осуществлял сбыт крестьянской сельскохозяйственной и промысловой продукции [33. С. 23].

Финансовым отделом Закупсбыта осуществлялось планирование всех крупных операций, вексельными и залоговыми операциями занимался специальный комитет, который контролировал свободную наличность и проводил ревизии кооперативных объединений. Такие же органы существовали во всех союзах-пайщиках, что давало центральному правлению возможность путем обмена информацией контролировать всю торгово-финансовую деятельность объединения [34. С. 67].

Еще одним суперсоюзом в «белой» Сибири являлся Сибкредсоюз, образованный как товарищество на паях на собрании представителей кредитных союзов в июле 1917 г. в г. Новониколаевске. Он имел отделения в Екатеринбурге, Владивостоке, Петрограде, Москве и Омске. В 1919 г. в его состав влился союз кооперативов «Урало-Сибирь». Основными задачами союза, помимо совершения кредитных операций, были организация закупки и продажи товаров на комиссионных началах. К началу Гражданской войны в нем насчитывалось 27 сохранивших с дореволюционного времени свою организационную структуру кредитных союзов Урала, Сибири и Дальнего Востока и 1 500 крестьянских товариществ. К 1919 г. сводный баланс этого объединения составлял 370 млн руб. [35. С. 12].

Согласно новому Уставу Сибкредсоюза, утвержденному Совмином адмирала Колчака, в штат его правления, как и в Закупсбыте, входили такие отделы, как юридический, финансовый, транспортный, животноводческий (занимался развитием животноводства в районах действия союзов-участников), промышленный (аналогичная функция по развитию промышленного производства) и главная бухгалтерия. Снабжение союзов сельхозинвентарем осуществлял товарный отдел, заготовкой сырья (льна, пушнины, продуктов животноводства, зерновых и т.д.), а также кустарных изделий занимался отдел сбыта [35. С. 13–14].

Значительную роль в кооперативном движении «белой» Сибири играл Союз сибирских маслодельных артелей. Несмотря на несколько пережитых в годы Мировой войны расколов и выход из союза алтайских артелей, требовавших децентрализации управления и предоставления права самостоятельного участия на рынке, а также выделения больших квот на масло для самореализации, этот союз к началу Гражданской войны продолжал обладать мощной и разветвленной сетью. К 1919 г. в Союзе маслоделов насчитывалось

20 контор, которые располагались в крупных населенных пунктах, в основном вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали [31. С. 44].

До начала Гражданской войны деятельность этих союзов распространялась на всю территорию России, однако с началом военных действий хозяйственное единство страны было нарушено, и поступление товаров промышленного производства в восточные регионы из центра прекратилось. В связи с этим снизился товарооборот, и кооперативные объединения понесли значительные издержки, что негативно отразилось на их финансовых ресурсах. Кроме того, восстановленные на востоке банки значительно сократили предоставление кооперации ссуд и кредитов.

В такой ситуации правления кооперативных союзов начали прилагать усилия к расширению своих международных связей и организации закупки и поставки на российский рынок иностранных промышленных товаров через порты Дальнего Востока и из Архангельска посредством использования Северного морского пути. Российское правительство шло навстречу этим устремлениям, утвердив «Постановление Совета министров об учреждении Комитета по внешней торговле и об утверждении положения о Комитете» от 19 апреля 1919 г., в который, помимо государственных чиновников, вошли представители Совета кооперативных съездов, потребительской кооперации, кредитной кооперации, маслодельной кооперации и других центральных крупных кооперативных организаций. Задачей комитета, образованного при Министерстве финансов, являлось «содействие русским фирмам, работающим на внешний рынок, и, в частности, посредничество между внутренним и внешним рынками» [36. С. 2].

Для организации и регулирования перевозок по Северному морскому пути, которые должны были обеспечить «экспорт из Сибири сырья и фабрикатов местной промышленности и импорт в Сибирь фабрикатов, необходимых для снабжения армии и населения», Постановлением Совета министров от 25 апреля 1919 г. был учрежден «Комитет Северного морского пути» [36. С. 5]. Однако правительству во взаимодействии с Закупсбытом по этому пути удалось осуществить лишь одну экспедицию, поскольку судоходность ограничивалась всего двумя с небольшим месяцами – с августа по октябрь. Тем не менее в результате соглашения Закупсбыта, Центросоюза с английской «Merchants Trade Company» и шведской компанией «Baltic» в сентябре в устье Оби были доставлены импортные промышленные товары на сумму около 100 млн руб. Но ввиду наступления Красной армии разгрузить иностранные суда удалось лишь частично – английские на 2/3, шведские наполовину, Закупсбыт успел погрузить на пароходы лишь половину своего предназначенного на экспорт сырья – около 25 тыс. пудов, остальные товары в спешке были реализованы среди местного населения [37. С. 210–211].

Кроме того, в рамках совместного проекта правительства, кооперативных союзов, английских, и норвежских компаний торговая флотилия под командованием капитана Б. Вилькицкого в августе – сентябре

1919 г. доставила в Архангельск свыше 0,5 млн пуд. зерна, около 70 тыс. пуд. масла, 30 тыс. пуд. различных жиров, около 30 пуд. меда, значительное количество валенок. Из Архангельска в Омск было привезено английское вооружение и обмундирование общим тоннажем в 100 тыс. пудов, а также около 100 т бумаги и 130 т медикаментов [38. Р. 87–88].

Таким образом, использование Северного морского пути ввиду кратковременности навигации не могло обеспечить население промышленными товарами, а армию вооружением и обмундированием. К тому же из-за стремительного отступления привезенные товары зачастую доставались красным, а солдаты и офицеры белой армии не имели достаточного вооружения и оставались разутыми и раздетыми, на что всегда с неудовольствием указывал верховный правитель после своих поездок по войскам.

В условиях стремительно растущей инфляции кооперативные объединения остро нуждались в дополнительном финансировании. В целях эффективного налаживания торговли и снабжения российское правительство вынуждено было идти навстречу требованиям потребительской кооперации о неоднократном выделении необходимых кредитов [39, 40]. Кроме того, правления кооперативных объединений источник финансирования видели в привлечении денежных средств – более активном и в больших размерах, скопившихся у крестьян. С этой целью правлением Закупсбыта, например, в сентябре 1918 г. было принято постановление об увеличении в 10 раз (до 100 руб.) паевых взносов пайщиков низовых потребительских обществ в деревне, о чем извещалось в ежемесячном журнале этого объединения [41. С. 4]. По подсчетам финансового отдела, это должно было создать устойчивую финансовую основу организации и окупить все торговые операции, однако отрицательно встречено рядовыми пайщиками.

Помимо крупных союзов и суперсоюзов, в «белой» Сибири без всякой государственной регистрации на крупных предприятиях и в учреждениях создавались так называемые ведомственные кооперативы, куда рабочие и служащие стремились внести свои денежные пай, получая от администрации товары и продукты через торговые лавки предприятий и учреждений. Однако такие кооперативные общества требовали государственной поддержки, поскольку в условиях хозяйственной разрухи владельцы заводов и фабрик и руководители учреждений не в состоянии были в полной мере удовлетворить потребительский спрос своих работников. Правительственное администрирование в данном вопросе было направлено на оказание помощи кооперативам казенных и оказавшихся в государственном управлении частных предприятий в виде выделения им товарных кредитов [42].

Однако законодательные и административные меры правительства, направленные на поддержку потребительских обществ промышленных предприятий стратегического значения, приводили к тому, что эти общества, надеясь на помощь государства, переставали заботиться о сохранении своей финансовой базы. На фоне инфляционного роста цен на товары и про-

дукты размеры паевых взносов не менялись, в результате чего такие кооперативы стали полностью зависимыми от госбюджета, превращаясь в ведомственные лавки по распределению казенного пайка, о чем писалось во многих газетах «белой» Сибири [43–46].

В регулировании торговли и снабжения населения продовольственными товарами по приемлемым ценам принимали участие и органы городского самоуправления, выделяя из городских бюджетов соответствующие денежные средства для создания продовольственных фондов. Ими распоряжались формировавшиеся при муниципалитетах продотделы и продуправы, организовывавшие в городах работу дешевых торговых лавок. Однако в условиях инфляции и роста цен городские продовольственные органы постоянно нуждались в увеличении своих капиталов, которые невозможно было пополнять за счет скудных муниципальных бюджетов. В связи с этим городские управы явочным порядком без санкции государства шли на создание на местах городских потребительских обществ, организовывая сбор с населения определенных разовых взносов и распределение продуктов между вкладчиками в долях, пропорциональных внесенным средствам. Зачастую городские власти распределяли товары и продукты среди городских жителей, используя торговую сеть кооперативов [47. С. 60–61].

Таким образом, кооперативное движение сыграло значительную роль в насыщении рынка продовольственными и отчасти промышленными товарами, о чем говорится в работах современных исследователей. Но в связи с этим возникают вопросы, насколько существенной была эта роль и могли ли кооперативы и их союзы в необходимой степени обеспечить население и армию продовольственными и потребительскими товарами. Как представляется, ответы должны быть отрицательными, поскольку государственное регулирование кооперации не отвечало вызовам своего времени.

Во-первых, недостаточность государственного финансирования приводила к тому, что оборотный капитал низовых кооперативов не обеспечивал возможность нормальной закупки потребительских товаров, потому что в условиях инфляции он стремительно обесценивался. В связи с этим правления кооперативов, как и продуправы муниципалитетов, вынуждены были идти по пути осуществления разовых закупок и разовых сборов денег с населения для каждой конкретной операции. В таких условиях кооперативная система начинала себя изживать и превращаться в своеобразный распределительный аппарат, о чем по горячим следам писали исследователи 1920-х гг., потому что размывалась грань между деятельностью кооперативов и продовольственных органов и происходило их слияние, поскольку цели и способы деятельности тех и других, по существу, были одинаковыми [48. С. 214; 49. С. 226].

Во-вторых, там, где государство допускало льготы в предоставлении финансовых средств и осуществлении товарных перевозок, возникали различные своеобразные псевдокооперативы типа потребительского общества «Минкооп», образованного среди мини-

стерских чиновников. Его оборотный капитал формировался путем регулярного выделения правительством определенных ссуд [50]. Большинство же городских низовых кооперативных обществ владели довольно жалкое существование. В основном они выживали за счет надбавки при распределении через свои продовольственные лавки продуктов, заготовленных муниципалитетами, как это было, например, с кооперативным обществом «Объединение» города Перми, о чем писалось в местной газете [51].

Наконец, отсутствие у кооперативов достаточного оборотного капитала приводило к тому, что они практически не могли создавать серьезную конкуренцию частным торговцам при закупке товаров и продовольствия. К тому же государственное администрирование в системе закупок оставляло желать лучшего. Выделение кредитов и получение заказов на поставку продовольствия и обмундирования для армии наталкивались на коррупцию и бюрократическую волокиту чиновников госаппарата. Хаос в транспортном сообщении приводил к тому, что денежный оборот кооперативной торговли мог занимать по времени несколько месяцев, в течение которых приходилось ждать, пока вложенные деньги обернутся привезенным товаром, если он к тому же не терялся где-нибудь в дороге. Правоохранительные органы не имели возможности более или менее эффективно бороться с повсеместными правонарушениями на железной дороге, связанными со взяточничеством. Кооператоры, в отличие от частников, не в состоянии были давать взятки станционной администрации для ускорения прохождения своих грузов, и их продукция подолгу простаивала в нескончаемых железнодорожных тупиках.

В таких условиях в кооперативном движении, как и в частном секторе, наметилась ярко выраженная тенденция к коммерциализации деятельности, направленная на получение максимальной прибыли. Кооперативы и частные торговцы начинали взаимно дополнять и поддерживать друг друга. Зачастую купцы выступали в роли кооперативных артельщиков, получая свой процент с оборота, или складывались с кооперативной артелью. Иногда представители сельского кооперативного общества, используя собственность кооператива, превращались в деревенских купцов. Таким образом происходило слияние кооперативных и купеческих капиталов, что открывало доступ к предоставлению кооперативной собственности различного рода проходимцам, проникавшим в правление кооперативов. Распространенным явлением стало хищение торговыми агентами кооперативных средств, выделенных на закупку товаров, или распродажа уполномоченными кооперативных обществ полученных товаров на рынке по спекулятивным ценам, что неоднократно отмечалось в местной прессе [52, 53]. Сельские кредитные товарищества также страдали нецелевым расходованием средств. Отвечая требованиям сельских обществ, они нередко выступали в роли мирских общественных касс, деля между членами сельской артели полученные от госбанка ссуды на заготовку тех или иных товаров [54. С. 104].

Таким образом, несмотря на то что кооперация на востоке «белой» России внесла существенный вклад в торговлю и снабжение населения и армии необходимыми товарами и продуктами питания, она не в состоянии была полностью справиться с возложенными на нее задачами и в условиях инфляции перестраивалась на коммерческий лад для получения спекулятивных прибылей. При этом заготовку промышленных товаров кооперативные союзы осуществляли в основном в интересах городских предпринимателей в ущерб экономическим ожиданиям крестьян. Установка правительством твердых цен на сельхозпродукцию делала для крестьянина их продажу через кооперативы непривлекательной, и он старался ее сбыть частному торговцу по рыночной цене, в два-три раза превышавшей заготовительную цену кооперативов. Даже крупные кооперативные объединения не могли из-за отсутствия необходимых денежных средств конкурировать с частными поставщиками, а те, которые имели такие средства, не могли повышать закупочные цены без нарушения законодательства и своих обязательств перед государством.

Кроме того, немаловажным обстоятельством снижения роли кооперативов в организации торговли и снабжения явилось то, что в связи с ростом спекулятивных тенденций в деятельности кооперации правительство переключало свое внимание на поддержку частных поставщиков. Значительную роль в этом сыграло получение от них взяток правительственными чиновниками, которые в обход кооперации предоставляли им государственные заказы, кредиты, авансы и различные льготы. Это сказалось на отношении кооператоров к власти. Если в 1918 г. антисоветские правительства получали от кооперативных объединений довольно значительные финансовые средства в качестве спонсорской помощи на обеспечение нужд армии, то с приходом к власти адмирала Колчака и серьезным ухудшением при нем экономической жизни «белой» Сибири кооперативы перешли к политике не вполне дружественного нейтралитета к ней. В силу этого правительство с настороженностью стало относиться к деятельности кооперативных объединений, не без основания подозревая их в связях с оппозицией и кооперативными организациями советской России и в целом — в «соглашательстве» с большевиками. По мнению некоторых исследователей, в проправительственных газетах отмечалось, что кооперация представляла собой прибежище для невоинужных и ушедших в тень политиков из числа эсеров и меньшевиков [55. С. 208].

Министерство снабжения и продовольствия, ориентированное на поддержку частнопредпринимательской деятельности, рассматривало кооперацию в качестве помехи частным заготовкам и стремилось вводить для нее различные административные ограничения и контроль, в ходе которого министерские уполномоченные и ревизоры бесцеремонно вторгались в работу кооперативов. Об этом наглядно свидетельствуют циркуляры Министерства снабжения и продовольствия своим уполномоченным и ревизорам на местах [56. Л. 15–17, 25–27].

Особенно ярко это проявлялось на муниципальном уровне. Волостные и уездные власти и представители «минснабпрода», идя на поводу у частных торговцев, всячески поддерживали их в конкурентной борьбе с кооперацией. Так, например, заведующий тобольской конторой Закупсбыта докладывал в центр, что частные лица через земские органы добились получения дешевой муки Закупсбыта для своих спекулятивных целей, потому что уполномоченный Министерства снабжения и продовольствия под угрозой принуждения приказал выдавать муку обдорским волостным земствам, которая потом попала в руки частных торговцев [55. С. 208].

Наконец, командиры отступавших воинских частей, а также карательных отрядов, не считаясь с законами и, ввиду слабости государственной власти, не боясь привлечения к юридической ответственности, нередко просто прибегали к неприкрытому грабежу кооперативных лавок и складов. Так, в докладах различных потребительских союзов и организаций с мест отмечалось, что обыденной картиной повседневной жизни стали постоянные реквизиции, контрибуции, грабежи, насилие и убийства кооператоров. При этом зачастую наряду с грабежом лавок и складов сжигались дома местных жителей и угонялся кооперативный скот [57. С. 24–25].

Как представляется, еще одной не до конца разрешенной проблемой в исторической и историко-правовой науке остается проблема исследования деятельности военно-промышленных комитетов на территориях государственных образований «белой» России и их взаимодействия с правительственными органами. Несмотря на ряд работ, посвященных данной тематике, многие моменты, связанные с выявлением конкретного вклада данных организаций в восстановление хозяйственной жизни, их участия в государственном регулировании торговли и снабжением, а также с оценением их деятельности с точки зрения действовавшего в то время законодательства, раскрыты недостаточно полно.

Хорошо известно, что помимо кооперации и частнопредпринимательской деятельности в сфере торговли и снабжения антисоветские правительства восточных регионов России большие надежды возлагали на налаживание контактов с промышленной буржуазией, организовавшейся в 1915 г. при содействии правительства в общественные некоммерческие организации в лице центральных, областных и местных военно-промышленных комитетов. Положением царского правительства от 27 августа 1915 г., которое было оставлено в силе и на территориях государственных образований «белой» России, им предоставлялись широкие полномочия в приобретении движимого и недвижимого имущества, а также по вступлению в договорные отношения с государственными, общественными и частными организациями и лицами по поставкам для армии необходимого вооружения и снаряжения [58].

На востоке страны советская власть продержалась недолго, поэтому ВПК во второй половине 1918 г. переживали процесс быстрого восстановления, осу-

ществляя посредническую деятельность в распределении госзаказов между частными предприятиями, за счет взносов которых они обеспечивали себе необходимое существование. ВПК имели и собственные предприятия, поставлявшие свою продукцию государству по себестоимости, но они были немногочисленными и незначительными. Кроме того, восстановление военно-промышленных комитетов происходило не повсеместно. В прессе отмечалось, что неспособными оказались Томский, Екатеринбургский, Уфимский, Оренбургский, Ялуторовский, Славгородский и целый ряд других ВПК [59. С. 53].

Одним из первых восстановился Омский ВПК, оказавшийся в центре политической и экономической жизни «белой» Сибири. Сразу после ликвидации советской власти он по поручению Западносибирского комиссариата даже выполнял некоторые функции государственного управления в части распределения запасов промышленного сырья омского совнархоза и руководства внутренним водным транспортом. ВСП, не имевшее на первых порах своего налаженного госаппарата, вынуждено было по настоянию правления ВПК передать в его распоряжение все имущество, за исключением возвращенного бывшим владельцам, и все запасы совнархоза, о чем писалось в печатном органе этого комитета [60. С. 23]. Таким образом, начало деятельности Омского ВПК наглядно показало стремление буржуазии использовать слабость правительства для присвоения себе управленческих функций и казенного имущества.

Столичный статус этого ВПК обеспечивал ему достаточно крепкие связи с правительством и возможность быть в курсе его экономической политики. Это позволило омской буржуазии осуществлять координацию деятельности всех ВПК, восстановленных в Сибири и частично на Дальнем востоке, и принимать участие в законодательной и административной деятельности правительства по регулированию промышленного производства, торговли и снабжения. В силу этого Омский ВПК стал играть роль центрального (ЦВПК), что официально было закреплено решением сентябрьской 1918 г. конференции сибирских ВПК. Это дало ему право распределения правительственных заказов между остальными ВПК, которые лишались возможности самостоятельно принимать заказы без разрешения руководства ЦВПК, на которое возлагалась обязанность отчитываться об их выполнении перед Министерством продовольствия и снабжения и Министерством торговли и промышленности [59. С. 27, 42.]. Российское правительство адмирала Колчака мартовским 1919 г. постановлением утвердило статус Омского ВПК в качестве центрального [61].

Таким образом, ЦВПК становился по существу монополистом в получении военных заказов от государства. Согласно указанному постановлению правительство определило размеры авансов при предоставлении ВПК госзаказов: в размере 35% стоимости сырья, если они использовали только государственное сырье; 50% – в случае его частичного использования; 75% – если ВПК приобретали сырье самостоятельно. Долговременные заказы правительство должно было

авансировать не менее чем на три месяца. Порядок ценообразования готовой продукции зависел от состояния рынка и входил в компетенцию государственных приемных комиссий [62. С. 61].

Однако военно-промышленная буржуазия в первую очередь заботилась не о государственных, а о личных интересах и прибылях, проводя сомнительные с точки зрения закона спекулятивные торговые операции. Закупавшееся для военных нужд по льготным ценам сырье нередко перепродавалось по более высоким ценам, иногда в 2–3 раза превосходявшим закупочные. После этого данное сырье вновь покупалось на местных рынках по еще более высокой цене, что позволяло ВПК требовать от государства увеличения стоимости готовой продукции в рамках полученного госзаказа. Наиболее характерным это было для торговых операций с шерстью.

Кроме того, Бюро ЦВПК могло возлагать закупку сырья на своих членов и между ними распределять полученные заказы, что превращало их одновременно и в заказчиков, и частных предпринимателей. Иногда для этих целей руководители ЦВПК создавали акционерные общества, в результате чего члены Бюро юридически становились одновременно и управляющими частных компаний, и членами Бюро. Это давало возможность проводить более масштабные спекулятивные операции. Так, по сведениям В.М. Рыкова, образованная ЦВПК Урало-Сибирская компания, закупая купоросное масло без малого по 7 руб. за пуд, продавала его одному из своих руководителей, который одновременно являлся членом Бюро ЦВПК, уже по 12 руб., а последний поставлял его ВПК по 16 руб. [62. С. 62–63]. Таким образом, в деятельности ВПК отчетливо прослеживалось стремление к получению спекулятивной прибыли, несмотря на то, что в упоминавшемся уже Положении царского правительства от 27 августа 1915 г. эти организации имели статус общественных и не имели права преследовать коммерческие цели.

Губернские уполномоченные Министерства снабжения и продовольствия, ответственные за организацию работы по закупке промышленных товаров и заготовке продовольствия, в своих докладах неоднократно указывали на то, что под видом выполнения государственных заказов ВПК занимаются проведением спекулятивных коммерческих операций. Это подтверждалось постоянными требованиями военно-промышленных организаций к правительству по пересмотру цен на производимые ими товары, которое они отчасти справедливо объясняли галопировавшей инфляцией и удорожанием производства и сырья. Кроме того, для правительства становилось очевидным, что взятые заказы не отвечали мощностям имевшихся у ВПК предприятий, вследствие чего госзадания выполнялись не полностью и с нарушением договорных сроков. В правительственных кругах это объясняли тем, что ВПК при получении госзаказов занимались прокручиванием денежных авансов и дефицитных материалов, что позволяло им проводить коммерческие операции на рынке и получать незаконную прибыль.

Злоупотребления ВПК, связанные с нарушением принципов некоммерческой деятельности, были вскрыты специальной проверочной комиссией Министерства торговли и промышленности в первой половине 1919 г. Комиссия установила факты перепродажи Бюро ВПК сырья и товаров через подставные частные фирмы с целью обогащения своих членов, о чем доложил Совету министров председатель комиссии, управляющий отделом промышленности Минторгпрома проф. С.В. Лебедев [63. Л. 12–14].

На основании этого доклада правительством было назначено соответствующее расследование деятельности ВПК, которое ввиду коррумпированности правительственных чиновников и судебно-следственных органов так и не было доведено до конца. Единственным его итогом явилось увольнение выступавшего с критикой ВПК министра торговли и промышленности Н.Н. Щукина и ряда работников его ведомства. ВПК продолжили свою деятельность до конца существования «белой» Сибири.

Таким образом, ВПК, как и кооперативные союзы, представляли собой достаточно серьезные структуры в системе торговли и снабжения населения и армии продовольствием, промышленными товарами, вооружением и снаряжением. Однако, несмотря на установленный законом некоммерческий характер их деятельности, они в первую очередь преследовали свои корыстные цели. В связи с этим эффективность их работы в интересах государства оставляла желать много лучшего.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что принцип «свободы рынка» в условиях инфляции и хозяйственной разрухи не мог быть реализован в полной мере, поэтому в антисоветских государственных образованиях востока России было введено государственное регулирование торговли и снабжения. В целом оно основывалось на дореволюционном законодательстве, мало отвечавшем условиям Гражданской войны. Правительственная политика в сфере кооперации оказалась неэффективной. Хроническое недофинансирование кооперативной деятельности приводило к уменьшению оборотного капитала кооперативов, что не позволяло им осуществлять необходимую закупку потребительских товаров. Переключение внимания властей на частных предпринимателей также не улучшило положение в торгово-распределительной сфере, поскольку торговцы заботились не о государственных, а своих личных спекулятивных интересах. Аналогичный характер носила и деятельность военно-промышленных комитетов. В целом государственное регулирование торговли и снабжения не отвечало кризисным условиям и не могло обеспечить жизнеспособность «белой» Сибири. Армия и города постоянно испытывали хронический недостаток вооружения, снаряжения, продовольствия и предметов первой необходимости. Все это отрицательно сказывалось на легитимности власти и, наряду с победами Красной армии, во многом определило ее падение.

Список источников

1. Майский И. Демократическая контрреволюция. Москва ; Петроград, 1923.
2. Омский вестник. 1918. 13 июня.
3. Сибирский курьер. Иркутск. 1918. 21 июля.
4. Голос народа. Томск. 1918. 5 июня.
5. Кокоулин В.Г. «От мала до велика спекулируют на чем только возможно»: городские рынки «белой» Сибири (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 3 (33). С. 94–109.
6. О спекуляции // Возрождение. Симбирск. 1918. 25 июля.
7. Освобождение России. 1919. 14 января.
8. Наш Урал. 1919. 6 февраля.
9. Рост дороговизны // Утро Сибири. 1919. 24 января.
10. В преддверии Пасхи // Великая Россия. 1919. 20 апреля.
11. Дударь Л.А. Контрабандная торговля на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1922 годы) // Вестник Дальневосточной государственной академии экономики и управления. 1997. № 1. С. 49–54.
12. Сибирский вестник (Омск). 1918. 16 августа.
13. Постановление Временного Сибирского правительства (ВСП) № 98 «Об аннулировании декретов советской власти» // Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (далее СУР ВСП). Омск, 1918. № 2 (18 июля). Ст. 11.
14. О передаче хлеба в распоряжение государства // Собрание узаконений и распоряжений правительства (СУРП). Петроград, 1917. № 85.
15. О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной // Собрание узаконений. 1916. № 338. Ст. 1696.
16. Постановление ВСП «О регулировании хлебной торговли». // СУР ВСП. Омск, 1918. № 3 (26 июля). Ст. 24.
17. Постановление ВСП «О регулировании мясной торговли» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 3 (26 июля). Ст. 26.
18. Постановление ВСП «О регулировании торговли маслом» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 3 (26 июля). Ст. 27.
19. О государственных заготовках // СУР ВСП. Омск, 1918. № 4. Ст. 24, 25, 26.
20. Постановление ВСП «Об уполномоченных Министерства продовольствия Временного Сибирского правительства» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 3 (26 июля). Ст. 25.
21. Постановление ВСП «Об установлении наказаний за нарушение изданных Временным Сибирским правительством продовольственных законов» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 6 (17 августа). Ст. 60.
22. Постановление Административного совета ВСП «Об утверждении правил о предельных ценах на хлеба урожая 1918 года и предыдущих лет и о районах их действия в Сибири» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 20 (30 октября). Ст. 156.
23. Постановление ВСП «О временном порядке установления предельных цен на жидкое минеральное топливо» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 22 (1 ноября). Ст. 195.
24. Распоряжение управляющего Министерства торговли и промышленности «О подтверждении монополии на кожи» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 4 (2 августа). Ст. 40.
25. Постановление Административного совета ВСП «Об отмене «Положения о передаче кож в распоряжение государства» и об установлении государственного регулирования кожевенной промышленности и торговли» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 12 (28 сентября). Ст. 116.

26. Постановление ВСП «О предоставлении Министерству продовольствия права реквизиовать грузы с предметами продовольствия и снабжения, задержанных на станциях сибирских железных дорог» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 6 (17 августа). Ст. 61.
27. Постановление Административного совета ВСП «О предоставлении особо уполномоченному Министерству продовольствия на Дальнем Востоке права реквизиции для нужд государства хлеба, обращающегося на рынке в областях Забайкальской, Приморской и Амурской» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 20 (30 октября). Ст. 157.
28. Собрание узаконений правительства. Петроград, 1917. № 72. Ст. 414–417.
29. Smele Jonathan D. Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920. New York, 1996.
30. Цветков В.Ж. Экономическое чудо по Колчаку // Родина. 2000. № 5. С. 142–145.
31. Пивоваров Н.Ю., Рынков В.М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. Новосибирск : Параллель, 2012. Вып. 3. С. 35–58.
32. О потребительских кооперативных организациях // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1918. № 75 (16/3 апреля). Ст. № 418.
33. Махов В. Потребительская кооперация Сибири. Новониколаевск, 1923.
34. Пивоваров Н.Ю. Органы управления Закупсбыта (август 1916 – сентябрь 1919 г.) // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений : сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. Вып. 6. С. 63–73.
35. Известия Союза сибирских кооперативных союзов «Синкредсоюза» (Новониколаевск). 1919. № 1.
36. Правительственный вестник. 1919. № 131 (9 мая). С. 2, 5.
37. Николаев А.А. Основные виды кооперации в России : историко-теоретический очерк. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2007.
38. Baikaloff A.V. Siberian Co-operation and the Commercial Exploitation of the Northern Sea Route from Europe to Siberia // The Russian Co-operator (London). 1920. Vol. 4, № 6 (June). P. 75–88.
39. Постановление правительства о выделении кредитов потребительской кооперации // Правительственный вестник (Омск). 1919. 2 апреля.
40. Постановление правительства о выделении кредитов потребительской кооперации // Правительственный вестник (Омск). 1919. 17 июля.
41. Об увеличении паевых взносов // Сибирская кооперация. Ново-Николаевск : Закупсбыт, 1918.
42. Постановление правительства о выделении товарных кредитов // Правительственный вестник (Омск). 1919. 2 апреля.
43. Возрождение. Омск. 1991. № 2–4 (январь–февраль).
44. Наш Урал. Екатеринбург. 1919. 17 апреля.
45. Амурская кооперация. Благовещенск. 1919. № 23 (25 сентября).
46. Железнодорожник-кооператор. Иркутск. 1919. № 2 (25 октября).
47. Рынков В.М. Роль органов местного самоуправления в снабжении населения Сибири в годы Гражданской войны // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков. Новосибирск, 1996. С. 59–61.
48. Балабанов М. История рабочей кооперации в России. М., 1928.
49. Хейсин М.Л. История кооперации в России. Л., 1926.
50. Правительственный вестник. Омск. 1919. 5 августа, 10 октября.
51. Освобождение России. Пермь. 1919. 8 марта.
52. Современная Пермь. 1919. 7 мая.
53. Обский кооператор (Ново-Николаевск). 1918. № 10. С. 14.
54. Иванов А.В. Кооперативное движение в Сибири в годы революции и Гражданской войны // Вестник Дальневосточного аграрного университета. 2007. № 4. С. 105–111.
55. Гаврилов А.А., Занданова Л.В. Сибирские кооперативные союзы в годы Гражданской войны // Вестник ИргТУ. 2011. № 6 (53). С. 207–210.
56. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-160. Оп. 3. Д. 1201. Л. 15–17; Д. 1223. Л. 25–27.
57. А.М. Сибирская кооперация в период военной диктатуры. Омск : Сиб. отд. Центросоюза, 1922. С. 24–25.
58. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1915 г. Петроград, 1916. Отдел 1. Второе полугодие. № 248. Ст. 1853.
59. Промышленность Западной Сибири (Омск). 1918. № 4–5.
60. Промышленность Западной Сибири (Омск). 1918. № 3.
61. Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства (Омск). 1919. № 8. Ст. 121.
62. Рынков В.М. Омский военно-промышленный комитет в годы Гражданской войны // Гражданская война в Сибири / под ред. М.Д. Северьянова. Красноярск, 1999. С. 60–66.
63. ГАРФ. Ф. Р-199. Оп. 8. Д. 245. Л. 12–14.

References

1. Mayskiy, I. (1923) *Demokraticeskaya kontrrevolyutsiya* [Democratic counter-revolution]. Moscow; Petrograd.
2. *Omskiy vestnik*. (1918) 13 June.
3. *Sibirskiy kur'er*. (Irkutsk). (1918) 21 July.
4. *Golos naroda*. (Tomsk). (1918) 5 June.
5. Kokoulin, V.G. (2012) “Ot mala do velika spekuliruyut na chem tol'ko vozmozhno”: gorodskie rynki “beloy” Sibiri (1918–1919 gg.) [“From young to old, they speculate on everything possible”: urban markets of the “White” Siberia (1918–1919)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 3 (33). pp. 94–109.
6. *Vozrozhdenie*. (Simbirsk). (1918) O spekulyatsii [On speculation]. 25 July.
7. *Osvobozhdenie Rossii*. (1919) 14 January.
8. *Nash Ural*. (1919) 6 February.
9. *Utro Sibiri*. (1919) Rost dorofovizny [The growth of high cost]. 24 January.
10. *Velikaya Rossiya*. (1919) V preddverii Paskhi [On the eve of Easter]. 20 April.
11. Dudar', L.A. (1997) Kontrabandnaya trgovlya na Dal'nem Vostoke Rossii v gody Grazhdanskoy voyny i inostrannoy intervetsii (1918–1922 gody) [Smuggling trade in the Russian Far East during the Civil War and foreign intervention (1918–1922)]. *Vestnik Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy akademii ekonomiki i upravleniya*. 1. pp. 49–54.
12. *Sibirskiy vestnik*. (Omsk). (1918) 16 August.
13. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva (VSP) № 98 “Ob annulirovani dekretov sovetsoy vlasti” [Decree of the Provisional Siberian Government No. 98: On the annulment of decrees of Soviet power]. 2 (18 July). Art. 11.
14. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy pravitel'stva*. (Petrograd). (1917) O peredache khleba v rasporyazhenie gosudarstva [On the transfer of bread to the disposal of the state]. 85.

15. *Sobranie uzakoneniy*. (1916) O razverstke zernovykh khlebov i furazha, priobretenykh dlya potrebnostey, svyazannykh s oboronoy [On the distribution of grain bread and fodder purchased for needs related to defense]. 338. Art. 1696.
16. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "O regulirovanii khlebnoy tor-govli". [Decree of the Provisional Siberian Government "On the regulation of grain trade"]. 3 (26 July). Art. 24.
17. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "O regulirovanii myasnoy tor-govli" [of the Provisional Siberian Government "On the regulation of meat trade"]. 3 (26 July). Art. 26.
18. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "O regulirovanii trgovli maslom" [Resolution of the Provisional Siberian Government "On the regulation of butter trade"]. 3 (26 July). Art. 27.
19. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) O gosudarstvennykh zagotovkakh [On state pro-curement]. 4. Art. 24, 25, 26.
20. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "Ob upolnomochennykh Minis-terstva prodovol'stviya Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva" [Decree of the Provisional Siberian Government "On authorized representatives of the Ministry of Food of the Provisional Siberian Government"]. 3 (26 July). Art. 25.
21. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "Ob ustanovlenii nakazaniy za narushenie izdannyykh Vremennym Sibirskim pravitel'stvom prodovol'stvennykh zakonov" [Decree of the Provisional Siberian Government "On the establishment of penalties for violation of food laws issued by the Provisional Siberian Government"]. 6 (17 August). Art. 60.
22. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie Administrativnogo soveta VSP "Ob utverzhdenii pravil o predel'nykh tsenakh na khleba urozhaya 1918 goda i predydushchikh let i o rayonakh ikh deystviya v Sibiri" [Resolution of the Administrative Council of the Provisional Siberian Government "On the approval of the rules on marginal prices for bread harvested in 1918 and previous years and on the areas of their action in Siberia"]. 20 (30 October). Art. 156.
23. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "O vremennom poryadke ustanovleniya predel'nykh tsen na zhidkoe mineral'noe toplivo" [Decree of the Provisional Siberian Government "On the temporary procedure for establishing marginal prices for liquid mineral fuels"]. 22 (1 November). Art. 195.
24. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Rasporyazhenie upravlyayushchego Ministerstva trgovli i promyshlennosti "O podtverzhdenii monopolii na kozhi" [Ordinance of the Governor of the Ministry of Trade and Industry "On con-firming the monopoly on leather"]. 4 (2 August). Art. 40.
25. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie Administrativnogo soveta VSP: Ob otmene "Polozheniya o peredache kozh v rasporyazhenie gosudarstva" i ob ustanovlenii gosudarstvennogo regulirovaniya kozhevennoy promyshlennosti i trgovli [Resolution of the Administrative Council of the Provisional Siberian Government: On the abolition of the "Regula-tions on the transfer of leather to the disposal of the state" and on the establishment of state regulation of the leather industry and trade]. 12 (28 September). Art. 116.
26. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "O predostavlenii Ministerstvu prodovol'stviya prava rekvizirovat' gruzy s predmetami prodovol'stviya i snabzheniya, zaderzhannykh na stantsiyakh sibirskikh zheleznykh dorog" [Decree of the Provisional Siberian Government "On granting the right to the Ministry of Food to requisition goods with food and sup-plies detained at the stations of the Siberian railways"]. 6 (17 August). Art. 61.
27. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie Administrativnogo soveta VSP "O predostavlenii osobo upolnomochennomu Ministerstva prodovol'stviya na Dal'nem Vostoke prava rekvizitsii dlya nuzhd gosudarstva khleba, obrabchayushchegosya na rynke v oblastiakh Zabaykal'skoy, Primorskoy i Amurskoy [Resolution of the Administrative Council of the Provi-sional Siberian Government "On granting the right to requisition bread circulating on the market in the regions of Transbaikalia, Primorye and Amur regions for the needs of the state to the specially authorized Ministry of Food in the Far East]. 20 (30 October). Art. 157.
28. *Sobranie uzakoneniy pravitel'stva*. (Petrograd). (1917) 72. Art. 414–417.
29. Smele, J.D. (1996) *Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920*. New York.
30. Tsvetkov, V.Zh. (2000) Ekonomicheskoe chudo po Kolchaku [Economic miracle according to Kolchak]. *Rodina*. 5. pp. 142–145.
31. Pivovarov, N.Yu. & Rynkov, V.M. (2012) Sibirskaya kooperatsiya v sisteme vlastnykh otnosheniy v epokhu voyn i revolyutsiy 1914–1920 gg. [Siberian cooperation in the system of power relations in the era of wars and revolutions of 1914–1920]. In: *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the 20th century]. Vol. 3. Novosibirsk: Parallel'. pp. 35–58.
32. *Izvestiya Vserossiyskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov*. (1918) O potrebitel'skikh kooperativnykh organizatsiyakh [On con-sumer cooperative organizations]. 75 (16/3 April). Art. 418.
33. Makhov, V. (1923) *Potrebitel'skaya kooperatsiya Sibiri* [Consumer cooperation in Siberia]. Novonikolaevsk.
34. Pivovarov, N.Yu. (2009) Organy upravleniya Zakupsbyta (avgust 1916 – sentyabr' 1919 g.) [Governing bodies of Zakupsbyt (August 1916 – September 1919)]. In: *Kooperatsiya Sibiri: problemy istorii, ekonomiki i sotsial'nykh otnosheniy* [Cooperation of Siberia: problems of history, economics and social relations]. Vol. 6. Novosibirsk. pp. 63–73.
35. *Izvestiya Soyuza sibirskikh kooperativnykh soyuzov "Sinkredsoyuza"*. (Novonikolaevsk). (1919) 1.
36. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919) 131 (9 May). pp. 2, 5.
37. Nikolaev, A.A. (2007) *Osnovnye vidy kooperatsii v Rossii: istoriko-teoreticheskiy ocherk* [The main types of cooperation in Russia: a historical and theoretical essay]. Novosibirsk: Institute of History, SB RAS.
38. Baikaloff, A.V. (1920) Siberian Co-operation and the Commercial Exploitation of the Northern Sea Route from Europe to Siberia. *The Russian Co-operator*. (London). 4 (6) (June). pp. 75–88.
39. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (Omsk). (1919) Postanovlenie pravitel'stva o vydelenii kreditov potrebitel'skoy kooperatsii [Government Decree on the allocation of loans to consumer cooperation]. 2 April.
40. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (Omsk). (1919) Postanovlenie pravitel'stva o vydelenii kreditov potrebitel'skoy kooperatsii [Government Decree on the allocation of loans to consumer cooperation]. 17 July.
41. Anon. (1918) Ob uvelichenii paevykh взносов [On the increase in share contributions]. In: *Sibirskaya kooperatsiya* [Siberian cooperation]. Novo-Nikolaevsk: Zakupsbyt.
42. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (Omsk). (1919) Postanovlenie pravitel'stva o vydelenii tovarnykh kreditov [Government Decree on the allocation of commodity loans]. 2 aprelya.
43. *Vozrozhdenie*. (Omsk). (1991) 2–4 (January–February).
44. Nash Ural. Ekaterinburg. (Yekaterinburg). 1919. 17 aprelya.
45. *Amurskaya kooperatsiya*. (Blagoveshchensk). (1919) 23 (25 September).
46. *Zheleznodorozhnik-kooperator*. (Irkutsk). (1919) 2 (25 October).
47. Rynkov, V.M. (1996) Rol' organov mestnogo samoupravleniya v snabzhenii naseleniya Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny [The role of local governments in supplying the population of Siberia during the Civil War]. In: *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri XVII–XX vekov* [Problems of the history of local government in Siberia in the 17th–20th centuries]. Novosibirsk. pp. 59–61.
48. Balabanov, M. (1928) *Istoriya rabochey kooperatsii v Rossii* [History of workers' cooperation in Russia]. Moscow.
49. Kheysin, M.L. (1926) *Istoriya kooperatsii v Rossii* [History of cooperation in Russia]. Leningrad.
50. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (Omsk). (1919) 5 August, 10 October.

51. *Osvobozhdenie Rossii*. (Perm). (1919) 8 March.
52. *Sovremennaya Perm'*. (1919) 7 May.
53. *Obskiy kooperator*. (Novo-Nikolaevsk). (1918) 10. p. 14.
54. Ivanov, A.V. (2007) Kooperativnoe dvizhenie v Sibiri v gody revolyutsii i Grazhdanskoj vojny [Cooperative Movement in Siberia during the Revolution and the Civil War]. *Vestnik Dal'nevostochnogo agrarnogo universiteta*. 4. pp. 105–111.
55. Gavrilov, A.A. & Zandanova, L.V. (2011) Sibirskie kooperativnye soyuzy v gody Grazhdanskoj vojny [Siberian cooperative unions during the Civil War]. *Vestnik IrGTU*. 6 (53). pp. 207–210.
56. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-160. List 3. File 1201. Pp. 15–17; File 1223. Pp. 25–27.
57. A.M. (1922) *Sibirskaya kooperatsiya v period voennoy diktatury* [Siberian cooperation during the military dictatorship]. Omsk: Sib. otd. Tsentrosoyuza. pp. 24–25.
58. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy Pravitel'stva za 1915 g. Sobranie zakonov i rasporyazheniy Rossiyskogo pravitel'stva* [Collection of laws and orders of the Government for 1915]. (Petrograd). (1916) 1 (248). Art. 1853.
59. *Promyshlennost' Zapadnoy Sibiri*. (Omsk). (1918) 4–5.
60. *Promyshlennost' Zapadnoy Sibiri*. (Omsk). (1918) 3.
61. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy Rossiyskogo pravitel'stva* [Collection of laws and orders of the Russian government]. (Omsk). (1919) 8. Art. 121.
62. Rynkov, V.M. (1999) Omskiy voenno-promyshlennyi komitet v gody Grazhdanskoj vojny [Omsk Military-Industrial Committee during the Civil War]. In: Sever'yanov, M.D. (ed.) *Grazhdanskaya vojna v Sibiri* [Civil War in Siberia]. Krasnoyarsk, 1999. pp. 60–66.
63. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-199. List 8. File 245. Pp. 12–14.

Информация об авторе:

Медведев В.Г. — д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия). E-mail: medved.valentin@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.G. Medvedev, Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), professor, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: medved.valentin@rambler.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 18.04.2022;
одобрена после рецензирования 21.04.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 18.04.2022;
approved after reviewing 21.04.2022; accepted for publication 30.06.2022.